

«МЫ - ИЗ ВОССТАВШЕЙ ЛАХВЫ»

● Книга очевидца

Читайте это повествование без волнения нельзя. Первая книга на русском языке о судьбе евреев из Лаввы...

История гетто в обыкновенной польской деревне занимает особое место в еврейском сопротивлении. До Великой Отечественной в селе жили пять тысяч евреев, поляков и белорусов. Местные евреи говорили на идиш, по-польски и по-белорусски; у них были прочные связи с окружающим миром; они гордились своей национальностью, соблюдали религиозные и бытовые традиции; они строили планы на будущее...

Бывший житель лунинецкой Лаввы Бен-Цион Даган написал свои воспоминания о давно прошедшей войне и назвал книгу "Мы - из восставшей Лаввы". Изданы эти своеобразные мемуары в Тель-Авиве. Сам автор родился в 1927 году - седьмого ребенка в большой семье лаввенского сапожника, который работал с утра до ночи, чтобы прокормить жену и детей. Соседи уважали Зелика Дагана за трудолюбие и честность, за набожность и дружную семью.

...Когда фашисты оккупировали район, они установили тут "новый порядок". Четырнадцатилетний Бен-Цион на всю жизнь запомнил, как евреев-мужчин из 14 до 65 лет построили в шеренги и десять часов продержали перед дулами пулеметов - пока глава юденрата не принес немцам собранные золотые изделия... С того дня всех евреев выгоняли на работу; они чинили взорванные железнодорожные мосты, меняли шпалы, укрепляли дороги. За

рабочий день, длившийся двенадцать часов, они получали 200 граммов хлеба, в котором больше было воды, чем муки. От голода, тяжелой работы и побоев в ту суровую зиму росла в местечке смертность. Но самое страшное ждало впереди...

Весной 1942-го в гетто - на ограниченную забором территорию - согнали две тысячи евреев. В каждом доме ютились по пятьдесят человек. А в конце лета пошли слухи о скорой ликвидации гетто. Стало известно, что немцы приказали выкопать в лесу длинный и глубокий ров. Твердили: в соседних Микашевичах за побег одного еврейского юноши гитлеровцы расстреляли всех обитателей гетто.

Втайне молодежь собиралась ночами и обсуждала - что предпринять? Как организовать сопротивление и спасти людей от расстрела? Путь был один - вооружиться и уйти в лес. Люди осознавали, что в неравной схватке с гитлеровцами большинство погибнет, но кто-то ведь останется в живых...

В ночь на 3 сентября 1942 года немцы вместе с полицией окружили гетто. Из Лунинца прибыли три машины с эсэсовцами. И евреи готовились вступить в схватку с карателями. Ранним утром Лавва представляла собой ужасающую картину: рыдали обезумевшие женщины с детьми на руках, толпы обреченных людей металась по улице, но везде наткались на забор, увитый колючей проволокой, за которым стояли автоматчики. Около 10 часов утра большая группа эсэсовцев вошла

в гетто, чтобы выводить его обитателей к подготовленному рву. В этот момент евреи подождали свои дома, а на головы карателей обрушился град камней...

Бен-Цион Даган подробно описывает увиденное в тот день. Когда он начал свою книгу, рука его невольно воскрешала на бумаге в рисунках самые памятные эпизоды, страшные картины восстания на фоне пылающих домов. И книга, проиллюстрированная этими эскизами очевидца, приобрела ещё большую ценность как документальное свидетельство.

В созданной смельчаками суматохе, когда несколько немцев были убиты, почти шестьсот человек смогли убежать в польские леса и болота. Выжили только около ста двадцати. За ними охотились не только фашисты и полиция, но и некоторые местные жители: за каждого приведенного еврея немцы давали по два килограмма сахара. Пятнадцатилетний Бен-Цион несколько месяцев скитался по лесам - свет не без добрых людей, - пока не оказался на Любанщине. Там ему удалось вступить в партизанский отряд имени Заслонова: "И вот я, бывший узник гетто Лаввы, приговоренный гитлеровцами к смерти, стою с винтовкой в руке вместе со старшими по возрасту вооруженными людьми. Я готов был, не щадя собственной жизни, мстить убийцам моей семьи, моего народа...". И здесь Даган не раз был на волосок от смерти, чудом выжил во время немецкой блокады зимой 1944-го, когда большая часть его товарищей погибла, а сам отряд был рассеян.

После освобождения Беларуси Даган добровольцем вступил в Советскую армию, стал телегра-

фистом и прослужил семь лет. Но в 1950 году без всяких объяснений Дагана отправляют в Сибирь на лесоповал. Там были такие же солдаты, без вины и суда определенные на каторжные работы. Наконец, весной 1951-го наступила демобилизация. Даган оказался в Курске, женился, работал на обувной фабрике.

Тогда граждане польской и еврейской национальности, у которых было до 1939 года польское гражданство, могли хлопотать о выезде в Польшу. И Даган подаёт документы, но ему отказывают. После вторичного обращения в 1959 году семья, в которой было уже трое детей, получает пропуск в Польшу. А через четыре месяца самолет израильской авиакомпании доставляет всё семейство Даганов в Израиль. Там Бен-Цион находит работу сапожника.

Даган не профессиональный литератор и не историк, однако он очень убедительно и интересно ведёт свой рассказ: "Мне из восставшей Лаввы удалось бежать, но то, что там погибли все мои близкие, осталось незаживающей раной". И автор рассказывает историю сооружения памятника евреям Лаввы, который открыли в 1991 году. И говорит: "Я заканчиваю книгу с уверенностью, что она послужит воспитанию любознательных и мужественных людей. Во всяком случае, такими будет мой внук. А уж они расскажут своим друзьям, какую страшную трагедию перенес еврейский народ в годы второй мировой войны".

Владимир СУХОПАР,
библиограф
областной библиотеки.

г. Брест. „Заря“ 25.06.2000